

А. И. Иванчик

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РИМСКОМ ВОЕННОМ ПРИСУТСТВИИ НА БОСПОРЕ¹

В статье публикуется происходящая из Танаиса надпись, сообщающая об установке статуи боспорского царя Савромата III (229/230–231/232) по заказу неизвестного лица, от имени которого сохранилось лишь отчество (сын Асандра) и который назван командиром «фракийского отряда и каре гоплитов». Аналогичное сочетание встречается в пантикапейском энкомии SEG 55, 862, что позволяет предположить хронологическую близость двух надписей и подтверждает ранее предлагавшуюся датировку энкомия концом II – первой половиной III в. (скорее эпоха Савромата III, чем Савромата II). На основании анализа этих и других надписей, в которых упоминается «фракийский отряд», предполагается, что речь идет о римской вспомогательной когорте I Thracum. Воины этой когорты, видимо, были присланы на Боспор из провинции Нижняя Мезия, а не Вифиния – Понт, как предполагалось ранее, вероятно, вместе с воинами I Итальянского легиона, участвовавшими в упомянутой в надписи из Преслава «Боспорской войне».

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Боспорское царство, Танаис, эпиграфика, римская армия, вспомогательные подразделения.

Предлагаемая работа посвящена обсуждению проблемы, которая многократно дискутировалась в литературе, однако не получила общепринятого решения. Речь идет о том, присутствовали ли на Боспоре римские войска, подобно тому, как это было в Ольвии, Херсонесе или Тире. Многие исследователи отвечают на этот вопрос отрицательно, считая, что собственной армии боспорских царей было достаточно для защиты интересов как самого Боспора, так и его патрона, Рима. Те ученые, которые все же допускают присутствие на Боспоре римских войск, расходятся в решении вопроса о том, какие подразделения входили в их состав и из какой провинции они присылались.

Новый эпиграфический документ, обнаруженный в Танаисе в 1998 г. при раскопках Российско-германской экспедиции (раскоп XIX, кв. 97/5, № 2202)², позволяет по-новому взглянуть на эту проблему, а заодно и предоставляет случай еще раз проанализировать уже известные данные, связанные с ней (рис. 1, см. вклейку). Надпись

Иванчик Аскольд Игоревич – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, научный руководитель Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН.

¹ Благодарю Г. Бауэрсока, К. Джонса и С.Р. Тохтасьева за обсуждение этой статьи и высказанные ими ценные замечания. Работа подготовлена в рамках проекта «Кочевники древней Евразии и Северное Причерноморье» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

² Раскопками руководили Т.М. Арсеньева (Институт археологии РАН) и Б. Беттгер (Евразийское отделение Германского археологического института). Благодарю их за предложение опубликовать эту и другие надписи из их раскопок. Надпись была изучена *de visu* в августе 2004, августе 2005 и июне 2007 г.

нанесена на стелу из местного известняка желтого цвета, серого на поверхности; стела имеет размеры 64,2 × 40,5 × 20,4 см. Камень был вторично использован в качестве строительного материала в стене одного из домов IV в. н.э. (дом S, стена 119).

Лицевая сторона стелы довольно тщательно заглажена. Боковые, верхняя и нижняя стороны обработаны суммарно, а обратная сторона – грубо. Боковые и верхний фасы при вторичном использовании были в нескольких местах оббиты. Надпись находится в углубленном на 1,3 см поле, окруженном двойной рельефной рамкой. Стела увенчана изображением фронтона (высота 11,2 см), внутри которого помещены две первые строки надписи. Буквы вырезаны довольно небрежно, несмотря на то что они нанесены по предварительно глубоко прочерченным линиям и украшены апексами. В надписи применяются различные начертания одних и тех же букв, например майускульной и курсивной омеги. В нижней части буквы значительно меньше и выписаны более небрежно; очевидно, надпись не умещалась в отведенное для нее поле, что свидетельствует о невысоком профессионализме резчика. Высота букв варьирует от 1,0 см в нижних строках до 2,5 см в верхних. В целом письмо надписи характерно для III века н.э. Несмотря на то что эпиграфическое поле сохранилось полностью, сама надпись сильно повреждена. На поле находятся многочисленные выбоины, но, главное, вся его поверхность сильно вытерта, особенно в левой части. В результате во многих строках, начиная с третьей, сохранилась лишь их вторая половина. Это делает чтение и восстановление надписи нелегкой задачей и не позволяет с полной уверенностью восстановить весь текст, хотя общее содержание надписи ясно.

Текст читается следующим образом:

Ἄγαθῆ

[τ]ύχη

Τὸν ἐκ προγόνων βασι-

λέα βασιλέων [μ]έγαλ Τιβ-

5 [έριον Ἴο]ύ[λι]ον Σ[α]ύρομ[ά]την

[υἰὸν βασιε]ι[λέ]ως Ῥησκου-

[πόριδος φιλο]καίσαρα καὶ

[φιλωρόμαιον] εὐσε[β]ῆ vac. 2 litt.

[.]ΔΔ[- -]Ο[- -] Ἀσανδρου

10 [- -]ς τοῦ Θρακικοῦ τά-

[γμ]ατος [κ]αὶ τοῦ π[λιν]θίου τῶν

[όπλειτ]ων [τὸν] ἰδιον [σ]φτήρα{ς}

[καὶ εὐεργέτην? - -]ΠΕ καθῖδ[ρ]υ- vac. 2 litt.

[σεν - -]ν καὶ ΒΗ [.] Δ [.] ΑΝ

15 [- -] δι' ἐπιμε]λητοῦ Πατια Ραδαμ[εισ-]

[του? vac. Ἐν τῷ . . φ'] ἔτει vac.

«Благой судьбе. Потомственного великого царя царей Тиб[ерия Юл]ия Савромата, [сына ца]ря Реску[порида, друга] Цезаря и [друга римлян,] благочестивого, [такой-то], сын Асандра, [командир] фракийского отряда и ка[ре гоплитов], своего спасителя и [благодетеля? - -] поставил попечением Патия, сына Рада[миста ?]. [В 5..] году».

Таким образом, надпись сообщает о том, что некий персонаж, сын Асандра, оплатил статую царя Савромата, сына Рескупорида, которая была поставлена от его имени; попечение об ее установке взял на себя некий Патий, сын Радамиста.

Рис. 2. Надпись КБН 1254 из Танаиса

Начало надписи сохранилось относительно хорошо, что позволяет уверенно восстановить здесь царскую титулатуру. Она совпадает с титулатурой, засвидетельствованной в строительной надписи из Танаиса КБН 1254 (рис. 2). Шрифты двух надписей также весьма близки. Сходны и сами стелы, на которые нанесены надписи: это похожие известняковые блоки, надписи расположены внутри рамок, увенчанных аналогичными фронтонами. Все это позволяет предположить их хронологическую близость.

В.В. Латышев, впервые опубликовавший надпись КБН 1254 по фотографии, отнес ее к правлению Савромата I³. Основанием для этой датировки была близость с титулатурой, засвидетельствованной в надписи IOSPE II. 39 = КБН 44, датированной 117 годом н.э., и отсутствие отчества при имени Савромата в надписи IOSPE II. 54 = КБН 74, которую Латышев относил к Савромату III (издатели КБН – к Савромату II). Следует отметить, однако, что титулатура Савромата I в первой надписи в действительности не очень близка той, что зафиксирована в КБН 1254 и в новой надписи: сходно лишь начало, но за стандартными титулами «друг Цезаря и друг римлян, благочестивый» следует еще ряд титулов, отсутствующих в двух последних текстах. Кроме того, и шрифты надписей КБН 44, 74 и 1254 очень далеки друг от друга. Несмотря на это, к датировке надписи КБН 1254 эпохой Савромата I присоединилась А.И. Болтунова⁴, та же датировка дана и в КБН. Характер письма вновь публикуемой надписи и надписи КБН 1254 указывает, однако, на более позднюю дату, чем эпоха Савромата I, – он не похож на шрифт конца I – первой четверти II в., но вполне соответствует шрифту первой половины III в. н.э. Поэтому более вероятным представляется отнесение обеих надписей к правлению Савромата III. Надпись КБН 1230 показывает, что Савромат III был соправителем своего брата Котиса III; оба были сыновьями Рескупорида III. Правление Савромата III падает на 229/30 – 231/2 гг. Таким образом, новая танаисская надпись, как и надпись КБН 1254, должна датироваться в пределах этих трех лет.

Имя персонажа, заказавшего статую царя, «своего спасителя и благодетеля», не сохранилось, на камне читается лишь его отчество Ἀσάνδρου. Это имя, как известно, – иранское (сарматское или персидское), его носил боспорский царь, правивший в 47–17 гг. до н.э. Благодаря тому, что имя этого царя сохранилось также в формах Ἀσανδρος⁵ и Ἀσανδροχου⁶, можно установить, что Ἀσανδρος – это эллинизация иранского имени, представленного как в полной форме (тоже сильно грецизированной) – Ἀσανδροχ- (*Aš-vandara-vahu-?), так и в гипокористической – Ἀσανδρος (*Aš-vandara-?; ср. авест. aš.vandara- ‘dem reichlich Lob gespendet wird,

³ Латышев 1892, 62–63, № 1; IOSPE IV. 446.

⁴ Болтунова 1964, 200–202, рис. 2; 1965, 75–78, № 1, рис. 1.

⁵ Сокольский 1976, 40 сл.

⁶ КБН 40; Кузнецов 2006, 157.

vielgepriesen⁷⁾⁸. Кроме царя, до сих пор на Боспоре был засвидетельствован лишь один его носитель: в Танаисе, в двух надписях близкого времени (КБН 1278, 9 и 1280, 12 – 220 и 225 гг.) упоминается член фиаса Ἰσσανδρος Θαυμαστοῦ. Однако не исключена и другая возможность: здесь можно предполагать восстановление другого имени, которое оканчивается на ὀσσανδρου. Так, в надписи из Танаиса встречается синагог фиаса Θεαγένης Κασάνδ[ρου] (КБН 1262, 4).

Второй упомянутый в надписи персонаж, попечением которого установлена статуя, носит сарматское имя и отчество. Имя Πατίας (видимо, сарматское *Patiya-) засвидетельствовано двумя надписями I–II вв. н.э. из Пантикапея (КБН 612; Add. 2); в Танаисе до сих пор было известно только родственное Πατεῖς (КБН 1242, 20 и др.)⁹. От патронимика сохранились лишь первые пять букв, что допускает два варианта восстановления: Ραδαμίστου и Ραδαμ(ο)φοῦρτου¹⁰; в Танаисе известны оба этих, также сарматских, имени (соответственно КБН 1262, 17; 1277, 27 и 1278, 3).

В начале строки 10 в лакуне, видимо, находилось указание на должность заказчика надписи (офицер, командир или подобные) или его другое отношение к упоминаемым далее военным подразделениям. Название первого из них, Θρακικοῦ τάγματος, читается вполне уверенно; это упоминание представляет особый исторический интерес. Θρακικὸν τάγμα уже известна в боспорской эпиграфике – она упоминается в обнаруженном в Пантикапее энкомии в честь выдающегося государственного деятеля, имя которого не сохранилось (SEG 55, 862)¹¹. Автор первого издания этой надписи Ю.Г. Виноградов и ее первый комментатор С.Ю. Сапрыкин относили надпись к эпохе Савромата I (93–123)¹². Однако Г. Бауэрсок и К. Джонс приводят убедительные аргументы в пользу датировки энкомии из Пантикапея эпохой Савромата II, точнее 194–195 гг. (время damnatio memoriae Коммода)¹³. Аргументы Г. Бауэрсока и К. Джонса следующие: 1) почетный титул «хилиарх», использованный в энкомии, не известен в боспорской эпиграфике ранее эпохи Савромата II, а в более поздний период встречается пять раз; 2) присутствие алан в Крыму, подразумеваемое текстом надписи, и их роль в ней не соответствуют ситуации конца I в. н.э., но вполне подходит для конца II – начала III в.; 3) наименование боспорского царя титулом δεσπότης появляется в боспорской эпиграфике при Савромате II и используется в его правление и правление его сына Рескупорида III, а в более ранний период неизвестно; 4) восстановление в энкомии упоминания золотой гривны как знака воинского отличия и ее сопоставление с изображением гривны на статуе Неокла, датированной 183 годом.

С.Ю. Сапрыкин с этими аргументами не соглашается, отводя первые три как argumenta e silentio и приводя данные в пользу возможности присутствия алан в

⁷ Bartholomae 1904, 266.

⁸ Тохтасьев 1994/5, 138 сл.

⁹ См. Tokhtas'ev 2005, 16–17; Тохтасьев 2007, 108, прим. 179.

¹⁰ В КБН 36, 64 издатели предположительно читали Ῥαδαμῖος. Это имя хорошо подошло бы по объему для заполнения стк. 15 без переноса в стк. 16 (Ῥαδαμ[ίου]); однако, согласно коляции С.Р. Тохтасьева, в КБН 36, 64 читается ΡΑΔΑΜΑΣ, что, по всей видимости, является сокращенным написанием Ῥαδαμῆσις (или -ης; ср. Тохтасьев 2007, 107, прим. 171); последнее находим в той же надписи в стк. 22 (gen. Ῥαδαμῆσεως). Это имя также можно восстанавливать в данной надписи, однако в Танаисе оно, в отличие от двух первых, не засвидетельствовано.

¹¹ Виноградов, Шестаков 2005, 43; Bowersock, Jones 2006, 119, стк. 37.

¹² Виноградов, Шестаков 2005, 42–43; Сапрыкин 2005, 47–49.

¹³ Bowersock, Jones 2006, 127–128.

западной части Северного Причерноморья уже в I в. н.э.¹⁴ Этих возражений, на мой взгляд, недостаточно, и приведенные Г. Бауэрсоком и К. Джонсом аргументы остаются в силе. Другой аргумент, приводимый С.Ю. Сапрыкиным в пользу ранней даты надписи, — это то, что в энкомии упоминаются мифические предки царя, причем, по его мнению, указание на происхождение от Геракла и Посейдона может относиться «исключительно к Савромату I». По его мнению, более ранний вариант титулатуры предусматривал указание на происхождение от Посейдона и Геракла, а более поздний, датируемый концом II — началом III в., требовал упоминания вместо Посейдона Евмолпа, сына Посейдона. Предположение о хронологическом значении упоминания Евмолпа сомнительно, поскольку основано лишь на двух надписях, в одной из которых (эпохи Савромата I — КБН 1048) Евмолп не упоминается, а во второй (эпохи Рескупорида III — КБН 53) упоминается; текст третьей надписи (КБН 53) разрушен и допускает восстановление как с упоминанием Евмолпа, так и без него¹⁵. Трудно предположить также, что Евмолп был добавлен в уже существующую фиктивную генеалогию боспорских царей, возводившую их к Посейдону, лишь в эпоху Рескупорида III: скорее Евмолп входил в нее с момента создания генеалогии, и Посейдон стал предком боспорских царей именно как отец Евмолпа¹⁶. В любом случае очевидно, что и в раннее, и в позднее время упоминание божественных предков не было обязательным элементом царской титулатуры на Боспоре и могло включаться в нее окказионально, что, в свою очередь, подразумевает возможность нерегулярного упоминания Евмолпа.

С.Ю. Сапрыкин справедливо обращает внимание на то, что в энкомии царь именуется не только *δεσπότης*, но и *κύριος*. Однако это является дополнительным указанием как раз на позднюю дату надписи: оба слова обычно служат для обозначения римских императоров и в приложении к боспорским царям употребляются только в эпоху Савромата II и Рескупорида III (*δεσπότης*: КБН 1049, 53; *τοῦς κυρίου βασιλείς*: КБН 1000, 179 г.). Еще один пример подобного употребления сохранился в неопубликованной надписи эпохи Савромата II из Танаиса¹⁷. В этой надписи в царскую титулатуру включен эпитет *θειότατος*, а также эпитет «владыка земли и моря», которые обычно являются элементами императорской титулатуры и в титулах более ранних боспорских царей не встречаются. Таким образом, имеется несколько примеров того, что Савромат II и его сын Рескупорид III включали в свою титулатуру элементы, вообще характерные для титулатуры римских императоров, причем в более раннее время такие случаи неизвестны. Использование двух таких титулов в пантикапейском энкомии указывает на его позднюю дату.

Наконец, публикуемая здесь новая танаисская надпись дает дополнительный аргумент в пользу этой датировки. Речь идет об упоминании в энкомии «фракийского отряда», упомянутого и в датированной танаисской надписи: хронологический разрыв между двумя надписями в этом случае составлял бы около 30 лет, что более вероятно, чем превышающий столетие разрыв, возникающий в случае датировки энкомия эпохой Савромата I.

¹⁴ Сапрыкин, Парфенов 2012, 163–182, особенно 175–176.

¹⁵ В КБН, вслед за В.В. Латышевым, дается восстановление с именами Евмолпа и царя Рескупорида II, отца Савромата I. В.П. Яйленко (1990, 217–218) восстанавливает титулатуру без имени Евмолпа и имя Савромата I.

¹⁶ О том, что включение Евмолпа в генеалогию боспорских царей объясняется, возможно, фракийскими связями династии, см. Heinen 1996, 88–89, not. 17.

¹⁷ Археологический музей-заповедник «Танаис», КП301/АГ100/34.

Что касается предложенного Г. Бауэрсоком и К. Джонсом восстановления упоминания гривны в строках 36/37 энкомия, то С.Ю. Сапрыкин продолжает настаивать на предложенном им восстановлении στ[εφανηφορί]α χρύσεα. Его критики справедливо указали на невозможность такого восстановления, поскольку прилагательное «золотой» требует определяемого слова, обозначающего конкретный предмет, а не абстрактное понятие вроде права. Это, безусловно, правильно: на греческом, как и на русском, можно сказать «право ношения золотого венка», но нельзя – «золотое право ношения венка» (разве что метафорически). Возражения С.Ю. Сапрыкина сводятся к следующему: «Мы не можем согласиться с тем, что “право ношения золотого венка” – это абстракция, а не конкретный объект в виде награды. Такое право давалось за заслуги и доблесть, но оно выражалось в конкретном действии – увенчании и ношении на голове почетного венка из золота»¹⁸. Разумеется, в действительности «право» ни в каком случае не является «конкретным объектом». Предлагаемое Г. Бауэрсоком и К. Джонсом восстановление στ[ρεπτόν/ἄ καὶ ψέλι]α χρύσεα представляется здесь вполне подходящим¹⁹. Однако мне не кажется возможным вывести из этого восстановления указание на дату надписи, хотя вполне вероятно, что здесь имеется в виду гривна, аналогичная изображенной на статуе Неокла.

Пожалуй, единственный весомый аргумент в пользу ранней даты пантикапейского энкомия – очень аккуратный и красивый шрифт надписи, который, собственно, и был для Ю.Г. Виноградова и С.Ю. Сапрыкина главным основанием для их датировки. Однако ничто не мешает предполагать, что в столице Боспора для официальных надписей первостепенного значения и в первой половине III в. мог использоваться аккуратный архаизированный шрифт.

При этом следует заметить, что приведенные Г. Бауэрсоком и К. Джонсом аргументы вполне соответствуют датировке энкомия не только эпохой Савромата II, но и Савромата III. Что касается датировки конкретно 194–195 гг., то, согласно их толкованию, упомянутый в стк. 6 Καίσαρ ὁ τότε имеет в виду римского императора, подвергнутого *damnatio memoriae*. Если датировать надпись эпохой Савромата II, это должен быть Коммод, откуда и выводится дата, но при ее датировке эпохой Савромата III это должен быть Элагабал (218–222), подвергнутый *damnatio memoriae* при своем преемнике Севере Александре. Окончательно решить вопрос в пользу одной из этих двух датировок не представляется возможным, но косвенным аргументом в пользу датировки пантикапейского энкомия и танаисской надписи близким временем является упоминание в обеих надписях Θρᾳκικὸν τάγμα, а также важное текстуальное совпадение между двумя надписями, о котором ниже. Поэтому датировка пантикапейского энкомия эпохой Савромата III мне представляется наиболее вероятной.

В энкомии, в списке почестей и наград, которых удостоился чествуемый, упоминается πρόοδος Θρακικοῦ τάγματος καὶ τῆς ὀπλει[τῶν τάξεως] ἡγεμονία. С.Ю. Сапрыкин толковал слово πρόοδος как обозначение «дозорного», или командира разведывательного отряда фракийского подразделения²⁰, однако Г. Бауэрсок и К. Джонс справедливо отметили, что контекст подсказывает понимание

¹⁸ Сапрыкин 2012, 174.

¹⁹ Ср. к этому восстановлению упоминания посвященных в храм Афины Линдии στρεπτόν καὶ ψέλια в «Линдосской хронике» (С, 66–67, 86–87; D, 36–37).

²⁰ Сапрыкин 2005, 77.

этого слова в абстрактном значении, «leadership, command of»²¹. Слово, очевидно, образует пару с упоминаемым в той же фразе ἡγεμονία. Такое значение слова не вполне обычно, возможно, речь идет о локальном боспорском употреблении.

Вслед за «Фракийским отрядом» в танаисской надписи, очевидно, упоминается еще один воинский отряд. Восстановление его названия было предложено мне К. Джонсом (per litteras): π[λιν]θίου. Слово πλινθίον нередко употребляется в военном контексте как обозначение войска, построенного в каре (agmen quadratum, контексты см. LSJ, s.v.). Следующее затем слово должно быть обозначением воинов. Сопоставление танаисской надписи с пантикапейским энкомием подсказывает восстановление τῶν [ὀπλιτῶ]ν, что соответствует и размеру лакуны; другой вариант, например στρατιῶτων, менее вероятен, поскольку для него нет места в лакуне. Основываясь на той же надписи, можно было бы даже предположить перед названием Фракийской когорты восстановление λρόδος, но не в абстрактном значении, как в энкомии («командование»), а в конкретном («командир»). Все же одной конечной сигмы для такого восстановления, пожалуй, недостаточно, учитывая разницу в стиле двух надписей – риторический высокий стиль в первом случае и официально-обыденный во втором. Вряд ли, однако, можно сомневаться, что здесь стояло это или другое обозначение командира.

Обращает на себя внимание при этом, что чествуемый в пантикапейском энкомии крупный боспорский сановник, имя которого не сохранилось, был «командиром фракийского отряда и [строя] гопплитов». Заказчик танаисской надписи – некто, сын Асандра, – назван «командиром фракийского отряда и каре [гопплитов]». Если обе надписи действительно относятся к близкому времени, можно предположить, что речь идет об одном и том же лице, и в таком случае обе надписи должны относиться к эпохе Савромата III.

Контекст танаисской надписи не предполагает обязательного присутствия ее заказчика в Танаисе: вполне возможно, что он заказал статую царя и оплатил ее установку в этом городе (а возможно, и в других боспорских городах), не покидая столицы, а осуществлением этого проекта ведал его представитель Патий, сын Радамиста. Поэтому не обязательно предполагать присутствие упомянутых в надписи воинских подразделений в Танаисе, хотя этого, конечно, нельзя исключать.

Здесь возникает вопрос о том, что именно скрывается за названием Θρακιδῶν τάγμα, упомянутым в танаисской надписи и в пантикапейском энкомии. Напрашивается ее сопоставление со στήϊρα Θρακιδῶν, надгробие центуриона которой (κεντυρίων ὁ καὶ λρίνιψ), найденное в Пантикапее, давно известно (КБН 666, рис. 3): предположение, что речь идет об одном и том же подразделении, лежит на поверхности.

Однако возникает вопрос о том, каков был характер этого подразделения. Кажется бы, само его название, а также упомянутые в эпитафии латинские термины κεντυρίων и λρίνιψ указывают на то, что речь идет о римской вспомогательной когорте. В пользу этого предположения говорит и присутствие на Боспоре другой римской вспомогательной когорты, Кипрской, засвидетельствованное двумя надписями (КБН 691, 726, рис. 4, 5). Ряд исследователей так и считали и писали о присутствии на Боспоре двух когорт римской армии – Кипрской и Фракийской²². Однако впоследствии С.М. Крыкин предположил, что στήϊρα Θρακιδῶν

²¹ Bowersock, Jones 2006, 126.

²² См., например, Brandis 1897, 788; Cichorius 1900, 341; Блаватский 1954, 132–133; Gajdukevič 1971, 352; Цветаева 1979, 39 (с опечаткой «Фригийская» вместо «Фракийская»);

обозначает неримскую вспомогательную когорту, а собственное боспорское подразделение, составленное из фракийских наемников, или фракийцев, якобы поселенных на Боспоре в качестве катойков и поставлявших контингенты в боспорскую армию²³. Несмотря на откровенную экстравагантность этой гипотезы, она была принята целым рядом исследователей, таких, как В.М. Зубарь, В.А. Горончаровский и С.Ю. Сапрыкин²⁴. Отчасти ее популярности, вероятно, способствовало то, что авторство гипотезы было приписано М.И. Ростовцеву, однако в действительности его точка зрения была иной. Он считал, что ολεῖρα Θρακῶν была именно римской вспомогательной когортой, однако склонялся, вслед за Цихориусом, к тому, что она, как и Кипрская когорта, не была прислана из Мезии, а «специально назначена для защиты Боспора» (т.е. размещалась на Боспоре постоянно). Ростовцев в самом деле предполагал, что размещенная

на Боспоре Фракийская когорта могла быть набрана римлянами из числа якобы поселенных здесь в I в. фракийских катойков, аналогично «когортам, носившим имя боспоранских». Но он не сомневался в том, что речь идет именно о римском вспомогательном подразделении, а не о части собственно боспорской армии²⁵.

Аргументы против наиболее естественной трактовки терминов ολεῖρα Θρακῶν и Θρακῶν τάγμα как римской *cohors Thracum* трудно признать убедительными. Уже само предположение о том, что на Боспоре жила компактная группа сохранявших свою этническую идентичность фракийцев, не подтверждается никакими аргументами и многократно опровергалось. Фракийские культурные и религиозные элементы на Боспоре, в Ольвии и Херсонесе римского времени связаны

Speidel, French 1985, 98–100; Sarnowski 1988, 156–157, not. 55; Speidel 1989, 515; Mielczarek 1999, 81 и др.

²³ Крыкин 1993, 239–254.

²⁴ Зубарь 1998, 82–86; Горончаровский 2003, 23; Сапрыкин 2005, 77–79; Виноградов, Горончаровский 2009, 156. В.А. Горончаровский, ознакомившись с рукописью данной статьи, высказал ряд возражений против предлагаемой мной интерпретации и в поддержку предложенного С.М. Крыкиным толкования ολεῖρα Θρακῶν: Горончаровский 2010, 289–296. При подготовке данной статьи к печати мне удалось учесть эти возражения.

²⁵ М.И. Ростовцев в ст.: Латышев 1904, 14–15; ср. Ростовцев 1911, 39–40. См. также Ростовцев 1900, 144–145, где автор не сомневается в том, что речь идет об одной из обычных римских когорт *Thracum* и ее центурионе.

Рис. 4. Надпись КБН 691
из Пантикапея

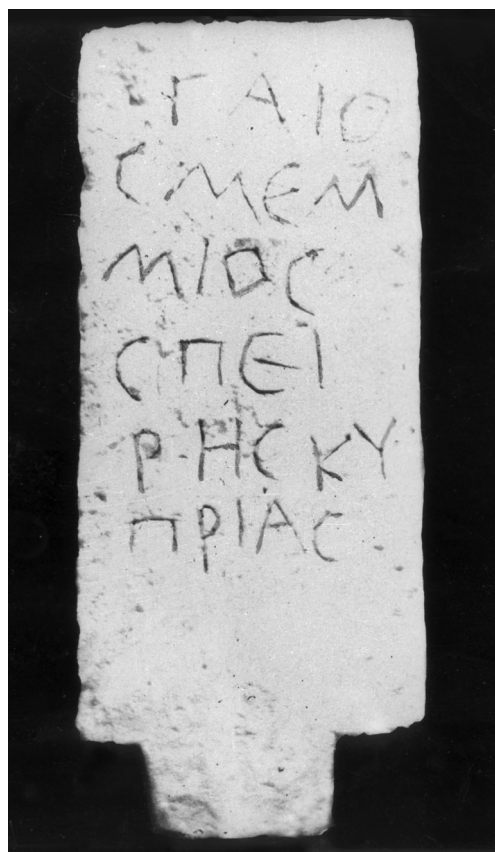

Рис. 5. Надпись КБН 726 из Пантикапея

главным образом с воинами римских подразделений, набравшимися в Нижней Мезии и бывшими этническими фракийцами. Таким образом, сама презумпция возможности набора «фракийского подразделения» из числа боспорских фракийцев является гипотезой, не подтвержденной никакими данными.

Остальные аргументы, приводившиеся в пользу предположения о местном происхождении «фракийской спейры», столь же гипотетичны или вовсе объясняются недоразумениями. Это, во-первых, сомнения, основанные на разных общих соображениях, в том, что римские войска вообще могли стоять на Боспоре. Для опровержения этого аргумента достаточно сослаться на присутствие здесь Кипрской когорты, засвидетельствованное двумя надгробиями, одно из которых двуязычное – на греческом и латыни (КБН 691, 726). Кажется, никто не отважился предположить присутствие на Боспоре не только фракийских, но и кипрских «катойков», что с необходимостью следует из такой презумпции. Предположение В.М. Зубаря, что похороненные в Пантикапее солдаты этой когорты были выход-

цами с Боспора, вернувшись на родину после окончания службы²⁶, не может быть принято – в эпитафиях ясно указано, что речь идет о действующих воинах, а не ветеранах. В солдатских надгробиях статус ветерана и действующего воина всегда четко различался. Безусловно, к римскому гарнизону относится и обнаруженный недавно в Пантикапее фрагмент латинской надписи²⁷. Таким образом, независимые данные не оставляют сомнений в том, что римские войска на Боспоре не только могли стоять, но и стояли.

Второй аргумент – это простое утверждение, что $\sigma\tau\epsilon\iota\sigma\alpha$ – вовсе не перевод латинского *cohors*, а специфическое название подразделения в боспорской армии – со ссылкой на надгробие некоего $\sigma\tau\iota\sigma\tau\alpha\rho\chi\eta\varsigma$ из Пантикапея, относящееся ко II–I вв. до н.э. (КБН 263). Это утверждение не подтверждается никакими аргументами. Конечно, греческое слово $\sigma\tau\epsilon\iota\sigma\alpha$, которое обычно служит для перевода латинского *cohors* (иногда *manipulus*), могло (хотя и редко) обозначать и подразделение в эллинистических армиях, а $\sigma\tau\epsilon\iota\sigma\tau\alpha\rho\chi\eta\varsigma$ – их начальника, как в военном уложении из Амфиополя (SEG 40, 524, В, I, 12, 17, ок. 200 г. до н.э.)²⁸. Но в римское время это слово специализировалось на обозначении подразделений римской армии (значение «фиас» тоже сохранялось – и именно в этом значении слово было заимствовано в латинский язык). Нет никаких оснований предполагать его употребление в каком-то особом, отклоняющемся от общепринятого, значении и в надписях КБН 666, 691, 776, относящихся, безусловно, к римской эпохе. Такое предположение тем более странно, что надпись КБН 691 является билингвой, и в ней $\sigma\lambda(\epsilon)\iota\sigma\alpha$ передает именно *cohors*. Одного этого достаточно для того, чтобы отказаться от предположения об особом значении этого слова на Боспоре.

Третий аргумент, приведенный Крыкиным еще удивительнее: это утверждение, что Диз из надписи КБН 666 не может быть римским офицером потому, что он назван не только центурионом, но и принцепсом – сочетание якобы чуждое римскому словоупотреблению и «абсолютно невозможное в римской провинции Мезии»²⁹. В действительности использование в этой надписи латинских терминов $\kappa\epsilon\upsilon\tau\upsilon\rho\iota\omega\nu$ \acute{o} $\kappa\alpha\iota$ $\pi\rho\iota\upsilon\mu\iota\tau\upsilon$ как раз указывает на то, что речь идет именно о римском офицере, причем довольно точно определяет его ранг. Как известно, название *centurio princeps* в римском легионе носил второй по рангу центурион после *primus pilus*, в первой когорте был также центурион, именовавшийся *princeps posterior*; кроме

²⁶ Зубарь 1998, 84.

²⁷ Сапрыкин, Ермолин 2010, 72–84. Предложенное здесь восстановление текста надписи, включая упоминание римского флота, вызывает большие сомнения: сохранившийся фрагмент текста, на мой взгляд, слишком мал, чтобы позволить надежную реконструкцию. Тем не менее принадлежность надписи римским войскам вряд ли может быть оспорена.

²⁸ Кажется, впрочем, это единственное известное использование этого слова в военном смысле. В других случаях (IGBR III. 1. 1517. 4. I. 9: Келлы в окрестностях Филиппополя; Saayr 1998, 57. 9; 313. 6: Перинф/Гераклея во Фракии; Drew-Bear 1978, 32. 1: Наколея во Фригии) оно обозначает одно из должностных лиц в фиасе, частной ассоциации обычно религиозного характера, поскольку $\sigma\tau\epsilon\iota\sigma\alpha$ наряду с $\theta\acute{\iota}\alpha\sigma\omicron\varsigma$ – одно из обычных названий такой ассоциации (см., например, Poland 1586–1592). По этой причине, кстати, довольно сомнительно и понимание слова $\sigma\tau\iota\sigma\tau\alpha\rho\chi\eta\varsigma$ в эпитафии КБН 263: поскольку никаких указаний на военный статус погребенного ни в самой надписи, ни в сохранившемся фрагменте стелы нет, оба значения слова «спирарх» – начальник воинского подразделения и один из руководителей фиаса – здесь одинаково возможны.

²⁹ Крыкин 1993, 240–241.

того, в каждой когорте был свой центурион *princeps prior* и *princeps posterior*³⁰. Свои *centuriones principes* были и во вспомогательных когортах.

Таким образом, *πρίνχιψ* может здесь служить указанием на ранг центуриона внутри когорты. Однако слово *princeps* обозначало также и командира отряда воинов, выделенных из состава когорты для выполнения какого-нибудь задания, *вексилляции*³¹. По-видимому, это значение и следует иметь в виду в нашем случае. Вероятно, на Боспор Фракийская когорта была отправлена не в полном составе, а была выделена лишь ее *вексилляция*. Видимо, Диз был одним из центурионов этой когорты, которому было поручено возглавлять соответствующий отряд воинов. Таким образом, не только название когорты, но и должность Диза полностью соответствуют обыкновению, принятому в римской армии, и дополнительно указывают на то, что речь идет о римском вспомогательном подразделении: Диз был центурионом и, скорее всего, командиром *вексилляции* Фракийской когорты.

Замечу кстати, что повторяемое в ряде работ утверждение о том, что боспорская армия со времен Митридата VI якобы была организована на римский манер³², что и должно объяснять использование терминов *στειρα*, *κεντυριων* и *πρίνχιψ*, не имеет достаточных оснований. Обычно это утверждение обосновывают ссылкой на один пассаж Тацита (*Ann.* XII. 16), где речь идет о войне между Митридатом VIII(II) и Котисом I. В действительности, однако, говоря о выступлении объединенного римско-боспорского войска, Тацит пишет: «...впереди и в тылу находились аорсы, посередине – когорты (римские когорты под командованием Юлия Аквилы) и вооруженные нашим (т.е. римским) оружием отряды боспорцев (*Bosporani nostris in armis*)». Из этого сообщения невозможно сделать вывод о системе организации боспорского войска: оно может говорить лишь о том, что часть этого войска была вооружена римлянами в рамках помощи, оказанной Котису I и включавшей также присылку римских войска. Когда в надписях, например в уже упоминавшемся энкомии из Пантикапея, речь идет о боспорской армии, никаких признаков ее организации по римскому образцу нет. Изображения боспорских воинов и археологические данные также отнюдь не позволяют сделать вывод о широком использовании на Боспоре римского вооружения и римской тактики: скорее можно говорить о превалирующем сарматском влиянии³³.

Однако даже если допустить, что армия Митридата была действительно реорганизована на римский манер, а боспорская армия эту организацию от нее унаследовала, в ней, конечно, должны были использоваться старые греческие термины вроде «стратег», «хилиарх», «лохаг», «тагматарх», возможно, и «спирарх» и пр. Использование этих терминов на Боспоре надежно свидетельствуется довольно многочисленными данными надписей³⁴. Заимствование латинских терминов Митридатом выглядит крайне маловероятным и ничем не подтверждается; еще менее вероятно, что эти латинские термины сохранились в грекоязычной среде Боспора

³⁰ Mommsen 1881, 226–245.

³¹ Speidel 1981, 7–13.

³² На мой взгляд, свидетельства Аппиана, на которые обычно ссылаются в этой связи (*Mithr.* 87, 108, 110), вовсе не позволяют сделать вывод даже о том, что армия самого Митридата была организована на римский манер, ни о том, что римские перебежчики использовались в ней в качестве военных инструкторов: в частности, они стояли лагерем отдельно от других воинских контингентов и, очевидно, просто составляли внутри митридатовской армии особый отряд.

³³ Mielczarek 1999, 79–98; Виноградов, Горончаровский 2009, 161–216.

³⁴ См. также: Mielczarek 1999, 82–86; Виноградов, Горончаровский 2009, 154–155.

несколькими поколениями позже. Даже и в гораздо более романизированных областях, входивших в состав империи, где римские войска размещались постоянно, транслитерации латинских терминов $\kappa\epsilon\upsilon\tau\upsilon\rho\acute{\iota}\omega\nu$ и $\rho\rho\acute{\iota}\nu\mu\iota\psi$ для обозначения римских офицеров в греческих надписях используются далеко не всегда, а чаще всего заменяются греческими эквивалентами. Что уж говорить о Боспоре, не входившем в состав империи, где присутствие римских войск было эпизодическим, а латинский язык не имел почти никакого распространения, – как можно предполагать, что здесь латинские термины обозначали даже не римских офицеров, а собственных боспорских?

Правда, в боспорских надписях позднего времени (КБН 35, 744, 811, первые две датированы 243 и 343–353 годами) встречаются упоминания слова $\rho\rho\acute{\iota}\nu\mu\iota\psi$, которое В.А. Горончаровский толкует как сокращенный вариант *centurio princeps*, старшего центуриона боспорских когорт³⁵. Такое толкование, однако, не кажется убедительным. Ни в одной из этих надписей не упоминается название воинского подразделения, к которому принадлежал соответствующий офицер, что ожидалось бы в текстах этого типа; нет и каких-либо указаний на военный статус соответствующих лиц. Скорее всего название этой должности или ранга на Боспоре было заимствовано из позднеримской империи в середине III в. в результате нарастания римского влияния, подобно тому как в более позднее время здесь появились другие титулы представителей администрации, заимствованные из того же источника, как греческого ($\epsilon\lambda\lambda\omicron\upsilon\chi\omicron\varsigma$), так и латинского ($\kappa\omicron\mu\eta\varsigma$) происхождения (например, КБН 67 и другие надписи V в.). В той же надписи КБН 67 встречается и еще одна должность, от названия которой сохранились лишь три первые буквы – $\rho\rho\omega$ [и для которой предлагались разные варианты восстановления³⁶. В любом случае речь, очевидно, идет о слове $\rho\rho\acute{\omega}\tau\omicron\varsigma$ или одном из его производных, которое могло быть греческим эквивалентом латинского *princeps*/ $\rho\rho\acute{\iota}\nu\mu\iota\psi$ ³⁷. В КБН 67 речь идет явно о представителе гражданской администрации.

Наконец, последний аргумент против интерпретации $\sigma\tau\epsilon\acute{\iota}\rho\alpha$ $\Theta\rho\alpha\kappa\acute{\iota}\omega\nu$ из надписи КБН 666 как римской когорты – это неримское имя упомянутого в надписи Диза, которое не включает *tria nomina*. Оно якобы свидетельствует о том, что Диз не был римским гражданином и не мог командовать вспомогательной когортой³⁸. Как и предыдущий аргумент, этот построен на недоразумении и на превратных представлениях о римской армии. Во-первых, упомянутый в надписи Диз вовсе не был командующим всей Фракийской когортой, а лишь одним из ее центурионов, в лучшем случае командовавшим посланным в Пантикапей отрядом. Командующий когортой, префект, разумеется должен был быть римским гражданином, к тому же всаднического сословия, однако к центурионам это не относилось. Естественно, если бы Диз был префектом, он был бы так и назван в надписи, а не назывался бы по более низкой должности. Во-вторых, вспомогательные когорты формировались из тех, кто не обладал гражданским статусом, и центурионы этих когорт часто (но не всегда) также не были римскими гражданами и получали этот статус лишь по выходу в отставку вместе с рядовыми воинами. Об этом свидетельствуют, среди

³⁵ Горончаровский 2010, 293.

³⁶ См. IOSPE II. 49¹; КБН 67 ($\rho\rho\omega$ [$\tau\epsilon\acute{\upsilon}\omicron\nu\omicron\tau\omicron\varsigma$...] $\tau\alpha$); Виноградов 1998, 234–238, № 2; Vinogradov 2007, 257–259, № 4 ($\rho\rho\acute{\omega}$ [$\tau\omicron\upsilon$ $\epsilon\pi\acute{\iota}$ $\kappa\omicron\mu\eta$] $\eta\tau\alpha\varsigma$); Храпунов 2011, 357–358 ($\rho\rho\omega$ [$\tau\omicron\kappa\omicron\omega\mu$] $\eta\tau\alpha\varsigma$).

³⁷ Ср. в египетских папирусах: $\rho\rho\acute{\iota}\nu\mu\iota\psi$ $\kappa\omicron\omega$ ($\mu\eta\varsigma$) (например RHamb. I, 9, 5) наряду с обычным $\rho\rho\acute{\omega}\tau\omicron\kappa\omicron\omega\mu\eta\tau\eta\varsigma$.

³⁸ Зубарь 1998, 84–85; Сапрыкин 2005, 78.

прочего, военные дипломы, выдававшиеся не только рядовым, но и центурионам вспомогательных подразделений (CIL XVI, 12; 14; 29; 103; RMD I, 74 и др.)³⁹. В-третьих, после 212 г. (Constitutio Antoniniana), когда все свободные жители империи получили гражданство, это противопоставление вообще не имело смысла, а датировка рассматриваемой надписи временем после 212 г. вполне вероятна (см. ниже). В-четвертых, во II–III вв. даже и римские граждане далеко не всегда использовали *tria nomina*, особенно в текстах на греческом, называя лишь одно имя (*cognomen* или *nomen*). За примерами далеко ходить не надо: упомянутый в двуязычной надписи КБН 691 центурион Кипрской когорты назван в латинской версии *Aelius Secundus*, а в греческой – просто $\Sigma\epsilon\mu\omicron\upsilon\nu\delta\omicron\varsigma$. Такие особенности употребления, очевидно, связаны с плохой совместимостью римской системы *tria nomina* и греческой системы указания личного имени (которому в римской системе соответствовал *cognomen*) и патронима⁴⁰. Особенно часто такие употребления встречаются в надгробиях (например, RECAM II, 134; 166; MAMA I, 277; VIII, 142; 177; IK Iznik 632), – по-видимому, это объясняется частным характером таких надписей, в которых грекоязычные римские граждане были более склонны следовать греческому ономастическому узусу, чем в официальных текстах. Но такой узус связан, очевидно, в первую очередь именно с языком и не может свидетельствовать о недостаточной «римскости» его автора. Так, например, в письмах Октавиана эпохи триумvirата он называет Антония просто Αντόνιος ⁴¹. При этом в первом из писем, адресованных Стефану, все упомянутые лица названы просто по именам (даже без отчеств), что, очевидно, объясняется частным характером документа. Антоний, как указывалось, назван просто своим *nomen*, но и себя Октавиан называет так же – просто Καίσαρ . Второе письмо, адресованное Эфесу, носит официальный характер, но и здесь Октавиан называет себя не полным римским именем, не забывая на греческий манер указать свой патроним: $\text{Αὐτοκράτωρ Καίσαρ θεοῦ Ἰουλίου υἱός}$, а Антония именует одним *nomen*.

Похороненный в Пантикапее центурион носил безусловно фракийские имя и отчество, что, конечно, свидетельствует о его фракийском происхождении. Таково же было и происхождение большинства его сослуживцев во вспомогательных подразделениях, расквартированных в Нижней Мезии, откуда он, скорее всего, происходил и сам. Мы не знаем, был ли он римским гражданином – в этом случае его фракийское имя являлось *cognomen* и могло быть употреблено в греческой надписи отдельно от *nomen*, как это сделано, например, в надписи КБН 691. Но он вполне мог оставаться и *peregrinus* до выхода в отставку, которой, увы, не дождался. Таким образом, имя ничего не дает для идентификации его статуса.

Итак, нет оснований сомневаться в том, что $\sigma\tau\epsilon\iota\gamma\alpha \Theta\omicron\rho\alpha\mu\acute{\iota}\nu$, упомянутая в надписи КБН 666, была римским вспомогательным подразделением, воины которой

³⁹ Вопреки мнению В.А. Горончаровского (2010, 293), который цитирует указанный выше пассаж В.М. Зубаря, смешивая вслед за ним статус командующего когортой (префекта) со статусом центуриона. Он также приводит здесь пример будущего императора Пертинакса, однако, ссылаясь на вторичную литературу вместо источника, допускает существенную ошибку: вопреки его мнению, Пертинакс в начале своей карьеры вовсе не «сумел получить должность центуриона в одном из вспомогательных отрядов», а напротив, сразу получил должность командующего одной из когорт (*praefectus cohortis*), размещенных в Сирии (SHA, Pertinax, I, 6). Совсем неплохое начало военной карьеры, доступное немногим.

⁴⁰ Об этом и о различных способах, который применяли римские граждане греческого происхождения, чтобы продолжать указывать свой патроним, см. Daux 1977, 405–417.

⁴¹ Reynolds 1982, 96–99, 101–103, № 10, 12.

Рис. 6. Надгробие Луция Фурия Севта

были присланы на Боспор, как и воины Кипрской когорты. Это делает весьма вероятным, что $\Theta\rho\alpha\mu\iota\delta\acute{o}\nu\ \tau\acute{\alpha}\upsilon\mu\alpha$, упомянутая в новой танаисской надписи и в энкомии из Пантикапея, обозначала то же подразделение римских вспомогательных войск.

Тот факт, что Диз, сын Бития, похоронен в Пантикапее, причем его могила была семейной – с ним похоронена и его жена, свидетельствует о том, что он оказался в Пантикапее не с кратким визитом, а жил здесь достаточное время для того, чтобы его семья последовала за ним (впрочем, жена офицера вполне могла последовать за ним и просто в более или менее длительный поход). Надпись КБН 666 содержит также вполне определенный *terminus post quem* – упоминание жены действующего «центуриона и принцепса». Как известно, в римской армии действовал запрет на заключение брака, который,

однако, для легионеров и солдат вспомогательных подразделений (но не преторианцев) был снят в 197 г.⁴² Таким образом, надпись должна датироваться позже этого года. Хронологическая близость этой надписи с надписью из Танаиса (и, вероятно, с пантикапейским энкомием) дополнительно свидетельствует в пользу идентичности упомянутых в них фракийских подразделений.

Поскольку греческие термины $\theta\lambda\epsilon\iota\sigma\alpha$ и $\tau\acute{\alpha}\upsilon\mu\alpha$ не столь однозначны, как латинские военные термины, возникает вопрос о том, каков был характер этого подразделения римской армии. Скорее всего, это было одно из регулярных вспомогательных подразделений (ала или когорты), менее вероятно – *numeri*, полурегулярные подразделения, однородные по этническому составу и сохранявшие свое вооружение. Ответ на этот вопрос, возможно, дает надгробие воина, служившего в *cohors I Thracum*, которое хранится в коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве; надпись была опубликована М.И. Ростовцевым и переиздана с новым чтением М. Спейделем (рис. 6)⁴³. Ранее она находилась в Алушке, в коллекции М.С. Воронцова, и хотя место ее находки наверняка неизвестно, наиболее вероятно, что она происходит из Крыма, а упомянутая надпись КБН 666 позволяет предполагать, что с территории Боспорского царства. Конечно, как обычно в подобных случаях, в происхождении надписи нельзя быть уверенным, но если это действительно так⁴⁴,

⁴² Behrends 1986, 117–118; Mirković 1986, 170–171, 180–185.

⁴³ Ростовцев 1911, 38–40; Speidel 1989, 515–518.

⁴⁴ В.А. Горончаровский (2010, 293) полагает, что аргументом против боспорского происхождения этого надгробия является отсутствие изображений «фракийского всадника» на Боспоре. Однако отсутствие таких изображений может свидетельствовать лишь об отсутствии на Боспоре постоянных гарнизонов нижнемезийской армии, состоявших из

надпись из Танаиса является уже четвертым (третьим надежным) свидетельством о присутствии I Фракийской когорты на Боспоре.

Однако следует иметь в виду, что в римской армии подразделение с таким названием было не единственным: I Фракийских когорт разные исследователи насчитывают от 7 до 11⁴⁵. Как хорошо известно, римские гарнизоны в городах Северного Причерноморья, во всяком случае на территориях к западу от Боспора, формировались из числа подразделений, расквартированных в Нижней Мезии, и подчинялись военному командованию этой провинции. В Нижней Мезии размещалась и одна из I Фракийских когорт – *cohors I Thracum Syriaca*: она засвидетельствована здесь, в частности, не менее чем шестью военными дипломами, относящимися к периоду между 125 и 158 годами (RMD IV. 235; 241; V. 399/165; IV. 270; V. 414; I. 50). Можно предположить, что воины именно этой когорты посылались на Боспор.

Этому предположению противоречит, однако, гипотеза, согласно которой размещенные на Боспоре римские войска подчинялись командованию не Нижней Мезии, а Вифинии – Понта. Данная гипотеза была высказана на основе находки в Синопе надгробия воина Кипрской когорты, предположительно определяемой как *cohors IV Syriae*⁴⁶. В самом деле, кроме Фракийской когорты на Боспоре засвидетельствовано пребывание лишь одного римского подразделения – Кипрской когорты (КБН 691, 726), которую обычно отождествляют с *cohors IV Syriae*. На основании сопоставления синопской и двух боспорских надписей и было сделано предположение о том, что *cohors IV Syriae* дислоцировалась в Синопе, и из ее состава был выделен контингент для отправки на Боспор. Этот вывод был распространен и на *cohors I Thracum*. Данная гипотеза получила всеобщее признание и, кажется, никем не оспаривалась.

Однако это рассуждение вовсе не так безупречно, как кажется. Прежде всего, синопское надгробие датируется, по всей видимости, еще I веком; авторы публикации полагают, что даже эпохой Юлиев-Клавдиев. В то же время все боспорские надгробия, упоминающие римские подразделения, по шрифту относятся ко второй половине II–III в. Эта дата подтверждается и тем, что упомянутый в надписи КБН 691 центурион носит имя *Aelius*, которое он или один из его предков, очевидно, получил в правление Адриана (117–138) или Антонина Пия (138–161), став римским гражданином (оба императора носили этот *nomen*). Это дает надежный *terminus post quem* для данной надписи. О поздней дате трех упоминающих Фра-

фракийцев (в отличие от Харакса, Херсонеса, Ольвии или Тиры), но вполне объяснимо, если римские отряды сюда присылались на довольно короткий срок, как я и предполагаю. Напротив того, этот факт необъясним, если предполагать присутствие на Боспоре фракийских поселенцев или фракийских наемников в течение нескольких столетий, как это делает В.А. Горончаровский и другие сторонники точки зрения о том, что «Фракийская тагма/спира» не имела отношения к римской армии. Если бы это предположение было верным, на Боспоре ожидалось бы гораздо более осязаемое присутствие элементов фракийской культуры (включая изображения «фракийского всадника»), чем в Ольвии и Херсонесе, где присутствие нижнемезийских войск не было столь длительным и постоянным, а сами они не были столь многочисленны, как предполагает В.А. Горончаровский (несколько тысяч: Горончаровский 2010, 295–296). Таким образом, отсутствие изображений «фракийского всадника» на Боспоре является дополнительным аргументом в пользу предлагаемого мной толкования разбираемых надписей.

⁴⁵ См. Spaul 2000, 353–354.

⁴⁶ Speidel, French 1985, 97–102; I.Sinope 122.

кийскую когорту надписей (КБН 666, пантикапейский энкомий и публикуемая здесь танаисская надпись) уже говорилось. При этом, как явствует из военных дипломов, уже в начале II в. *cohors IV Sypria* была выведена из Понта и передислоцирована в дунайские провинции: между 103 и 107 годами (CIL XVI. 54) она размещалась в Верхней Мезии, а в 109–110 годах – в Дакии (CIL XVI. 37). Таким образом, те периоды истории когорты, которые представлены синопской и боспорскими надписями, разделены периодом ее пребывания в Верхней Мезии и Дакии. Судьба этой когорты после 110 г. неизвестна, но нет никаких свидетельств того, что она была позже возвращена в Вифинию – Понт. Что касается Нижней Мезии, то состав дислоцированных там вспомогательных подразделений римской армии полностью известен для второй четверти и середины II в., и Кипрской когорты среди них нет. Однако это вовсе не означает того, что эта когорта не могла там появиться позже, например в конце II или начале III в., и быть отправлена на Боспор оттуда. Во всяком случае, мы знаем, что часть войск I Италийского легиона, дислоцированного в Нижней Мезии, была отправлена на Боспор для участия в некой Боспорской войне, упомянутой в надписи из Преслава эпохи Александра Севера и убедительно проанализированной Т. Сарновским; соответствующие события он датирует между 196 и 235 годами (начало войны – между 196 и 215-м)⁴⁷. Скорее всего, их сопровождали и дислоцированные там же вспомогательные подразделения, в частности, I Фракийская когорта. Что касается IV Кипрской когорты, то она могла входить в состав той же нижнемезийской армии или быть прислана из провинции Вифиния – Понт⁴⁸. Возможно, что подразделения когорт, попавших на Боспор во время этой *bellum Vosporanum*, были оставлены там на какое-то время.

Таким образом, новая надпись из Танаиса не только содержит новое свидетельство пребывания I Фракийской когорты на Боспоре, но и позволяет его надежно датировать ок. 230 г. Эта датировка позволяет относить примерно к тому же времени и другие свидетельства ее пребывания на Боспоре – надписи КБН 666 и энкомий из Пантикапея. Впрочем, для них возможна и несколько более ранняя дата, первое десятилетие III в., т.е. конец правления Савромата II. Палеографические данные позволяют относить к тому же времени и пантикапейские надписи, упоминающие Кипрскую когорту. Надпись из Преслава указывает на то, что в это время на Боспоре находились и легионеры I Италийского легиона. Из этого можно заключить, что римские войска, упомянутые во всех этих текстах, появились на Боспоре в ходе известной нам по преславской надписи «Боспорской войны», а часть их оставалась там некоторое время (судя по числу надписей – не слишком долгое) и после ее окончания.

Возможно, что упомянутый в пантикапейском энкомии эпизод, когда чествуемый в ней боспорец командовал одновременно отрядом воинов Фракийской когорты и «строем гоплитов», относится к той же войне, хотя в этом нет уверенности (возможно, что имеется в виду какой-то более поздний не известный нам эпизод). Речь идет, очевидно, об объединенной боспорско-римской армии. Поскольку боспорских войск в составе этих объединенных сил было, несомненно, значитель-

⁴⁷ Sarnowski 1991, 137–144; Сарновски 2000, 246–248; 2005, 236–246, с литературой, в том числе с опровержением датировки В.М. Зубаря, датирующего «Боспорскую войну» 186–193 годами. К точке зрения В.М. Зубаря, без опровержения аргументов Т. Сарновского, присоединился и В.А. Горончаровский (2010, 295).

⁴⁸ Аналогичную ситуацию можно предполагать во время римско-боспорской войны 45–49 годов, в которой, вероятно, участвовали одновременно войска, расквартированные в Мезии и Вифинии: Speidel, French 1985, 97–98.

но больше, неудивительно, что общее командование было доверено боспорцу. К тому же во II–III вв. многие представители боспорской элиты (начиная с самих боспорских царей), как известно, имели римское гражданство, некоторые были римскими всадниками (КБН 58). Очевидно, что такие крупные военные деятели, как чествуемый в пантикапейском энкомии вельможа и заказчик танаисской надписи (если это не одно лицо) также были римскими гражданами, так что они вполне имели право командовать солдатами вспомогательной когорты, вексилляция которой возглавлялась скорее всего одним из ее центурионов. В то же время тот факт, что им было доверено общее командование не только собственными боспорскими, но и римскими войсками, очевидно, был достаточно важным, а само командование – достаточно престижным, чтобы заслуживать специального упоминания в надписях, в том числе в посмертном энкомии.

Наконец, анализ данных, касающихся римских войск на Боспоре, заставляет с большим сомнением отнестись к гипотезе о том, что они подчинялись администрации провинции Вифиния – Понт. Скорее всего, как и войска в других частях Северного Причерноморья, они присылались из Нижней Мезии и подчинялись тамошнему командованию. Это представляется вполне логичным: очевидно, что во время военных действий римские войска, находившиеся на Боспоре, должны были взаимодействовать с вексилляциями, расквартированными в Херсонесе и его окрестностях и в Хараксе, и такое взаимодействие, разумеется, было более эффективным, если у них было общее командование.

Литература

1. *Блаватский В.Д.* 1954: Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья (Причерноморье в античную эпоху, 7). М.
2. *Болтунова А.И.* 1964: К истории Танаиса (по данным эпитафий) // *Клио.* 42, 195–208.
3. *Болтунова А.И.* 1965: Греческие надписи в донских музеях // *НЭ.* 5, 75–95.
4. *Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А.* 2009: Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). СПб.
5. *Виноградов Ю.Г.* 1998: Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V века) // *ВДИ.* 1, 233–247.
6. *Виноградов Ю.Г., Шестаков С.А.* 2005: *Laudatio funebris* из Пантикапея // *ВДИ.* 2, 42–44.
7. *Горончаровский В.А.* 2003: Между Империей и варварами. СПб.
8. *Горончаровский В.А.* 2010: К вопросу о римском военном присутствии на Боспоре // *Мемнон.* 9, 289–296.
9. *Зубарь В.М.* 1998: Северный Понт и Римская империя. Киев.
10. *Крыкин С.М.* 1993: Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М.
11. *Кузнецов В.Д.* 2006: Новые надписи из Фанагории // *ВДИ.* 1, 155–171.
12. *Латышев В.В.* 1892: Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1889–1891 годах (Материалы по археологии России, 9). СПб.
13. *Латышев В.В.* 1904: Эпиграфические новости из южной России (находки 1901–1903 годов) // *ИАК.* 10, 1–91.
14. *Ростовцев М.И.* 1900: Римские гарнизоны на Таврическом полуострове // *ЖМНП.* Март, 140–158.
15. *Ростовцев М.И.* 1911: Святылище фракийских богов и надписи бенефициариев на Ай-Тодоре // *ИАК.* 40, 1–42.
16. *Сапрыкин С.Ю.* 2005: Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э. // *ВДИ.* 2, 45–81.
17. *Сапрыкин С.Ю., Ермолин С.А.* 2010: Римский флот на Боспоре: новая латинская надпись из Пантикапея // *ВДИ.* 3, 72–84.
18. *Сапрыкин С.Ю., Парфенов В.Н.* 2012: ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод? // *ВДИ.* 1, 163–182.

19. *Сарновски Т.* 2000: О Боспорской войне в конце II в. н.э. // *Сарновски Т., Савеля О.Я.* Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 246–248.
20. *Сарновски Т.* 2005: Боспорская война периода правления Септимия Севера в Риме и Савромата II на Боспоре. Проблема с нижнемезийской перспективой // *Etudes et travaux.* 20, 236–246.
21. *Сокольский Н.И.* 1976: Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.
22. *Тохтасьев С.Р.* 1994/5: Из ономастики Северного Причерноморья: V–IX // *Hypoboreus.* 1/2, 138–145.
23. *Тохтасьев С.Р.* 2007: Из ономастики Северного Причерноморья: XX. Заметки по морфологии // *ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ.* Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004) / И.В. Тункина, А.Д. Столяр, И.Л. Тихонов, С.Р. Тохтасьев (ред.). СПб., 82–118.
24. *Храпунов Н.И.* 2011: Администрация Боспора в V в. н.э. // *Древности Боспора.* 15, 352–369.
25. *Цветева Г.А.* 1979: Боспор и Рим. М.
26. *Яйленко В.П.* 1990: Поход Савромата I на азиатский Боспор // *Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья* / Т.В. Блаватская (ред.). М., 216–228.
27. *Bartholomae Chr.* 1904: *Altiranisches Wörterbuch.* Strassburg.
28. *Behrends O.* 1986: Die Rechtsregelungen der Militärdiplome und das die Soldaten des Prinzipats betreffende Eheverbot // *Heer und Integrationspolitik. Die römischen Militärdiplome als historische Quelle* / W. Eck, H. Wolff (Hrsg.). Köln–Wien, 116–166.
29. *Bowersock G.W., Jones C.P.* 2006: A New Inscription from Panticapaeum // *ZPE.* 156, 117–128.
30. *Brandis C.* 1897: Bosporos. 3 // *RE.* III,1, 757–789.
31. *Cichorius [C.]* 1900: Cohors // *RE.* IV,1, 231–356.
32. *Daux G.* 1977: L'onomastique romaine d'expression grecque // *L'Onomastique Latine* / H.-G. Pflaum, N. Duval (eds.). P., 405–417.
33. *Drew-Bear Th.* 1978: Nouvelles inscriptions de Phrygie (*Studia Amstelodamensia*, 16). Zutphen.
34. *Gajdukevič V.F.* 1971: Das Bosporanische Reich. В.
35. *Heinen H.* 1996: Rome et le Bosphore: notes épigraphiques // *Cahiers du Centre Gustave-Glotz.* 7, 81–101.
36. *Mielczarek M.* 1999: The Army of the Bosporan Kingdom. Łódź.
37. *Mirković M.* 1986: Die Entwicklung und Bedeutung der Verleihung des Conubium // *Heer und Integrationspolitik. Die römischen Militärdiplome als historische Quelle* / W. Eck, H. Wolff (Hrsg.). Köln–Wien, 167–186.
38. *Mommsen Th.* 1881: Observationes epigraphicae. XXVI. Nomina et gradus centurionum // *Ephemeris epigraphica. Corporis Inscriptionum Latinarum supplementum.* 4, 226–245.
39. *Poland [F.]* 1929: Σπειρα // *RE.* 2. R. III, 2, 1586–1592.
40. *Reynolds J.* 1982: Aphrodisias and Rome. L.
41. *Sarnowski T.* 1988: Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na północnym wybrzeżu Morza Czarnego (*Novaensia*, 3). Warszawa.
42. *Sarnowski T.* 1991: Barbaricum und ein bellum Bosporanum in einer Inschrift aus Preslav // *ZPE.* 87, 137–144.
43. *Sayar M.H.* 1998: Perinthos-Herakleia (Marmara Ereğlisi) und Umgebung. Geschichte, Testimonien, griechische und lateinische Inschriften. Wien.
44. *Spaul J.* 2000: Cohors². The Evidence for and a Short History of the Auxiliary Infantry Units of the Imperial Roman Army (*BAR International Series*, 841). Oxf.
45. *Speidel M.P.* 1981: Princeps as a Title for ad hoc Commanders // *Britannia.* 12, 7–13.
46. *Speidel M.P.* 1989: Furius' Gravestone from the Crimea // *The Eastern Frontier of the Roman Empire. Proceedings of a Colloquium held at Ankara in September 1988* / D.H. French, C.S. Lightfoot (eds.) (*BAR International Series*, 553). P. II. Oxf., 515–518.
47. *Speidel M.P., French D.H.* 1985: Bithynian Troops in the Kingdom of the Bosporus // *Epigraphica Anatolica.* 6, 97–102.
48. *Tokhtas'ev S.R.* 2005: Epigraphical Notes // *ACSS.* 11, 3–40.
49. *Vinogradov A.* 2007: Von der antiken zur christlichen *Koine*: typische und untypische Inschriften des nördlichen Schwarzmeerraums // *Une koine pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et Empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s. a.C. – IIIe s. p.C.)* / A. Bresson, A. Ivantchik, J.-L. Ferrary (éds.) (*Mémoires*, 18). Bordeaux, 2007, 255–267.

NEW DATA ON THE ROMAN MILITARY PRESENCE IN THE BOSPORUS

A.I. Ivantchik

The article is devoted to the publication of an inscription found in Tanais, which speaks about the erection of a statue of the Bosporan king Sauromates III (AD 229/230–231/232). The statue was commanded by a person whose name is disappeared and only the patronymic (the son of Asandros) is preserved; he was a commander of a «Thracian detachment and a square of hoplites». A similar connection is mentioned in the funerary oration SEG 55, 862 from Panticapaeum which allows me to suggest a chronological vicinity of two inscriptions and confirms the date of the second one in the end of the 2nd or the first half of the 3rd century AD proposed earlier by G. Bowersock and C.P. Jones (the reign of Sauromates III rather than Sauromates II). An analysis of these and other inscriptions mentioning the «Thracian detachment» allows to interpret this detachment as the Roman auxiliary cohorts I Thracum. The soldiers of this cohort were probably sent to the Bosporus from the province of Lower Moesia (not from Bythynia–Pontus, as it was suggested earlier) together with those of legio I Italica who participated in the «Bosporan war» mentioned in an inscription from Preslav.

Keywords: Northern Black Sea region, Bosporan Kingdom, Tanais, epigraphy, Roman army, auxiliary troops.

© 2013 г.

В. В. Крапивина

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ ОЛЬВИИ ПОНТИЙСКОЙ

Статья посвящена заключительному периоду истории Ольвии Понтийской, относящемуся к последней четверти III–IV в. н.э. После готского разгрома в 269–270 гг. н.э. жизнь здесь прерывается и возобновляется не ранее середины – конца 80-х годов III в. н.э. Определение характера этого периода имеет большое значение для понимания не только причин прекращения жизни на месте Ольвии, но и особенностей исторического развития всего региона Нижнего Побужья в конце III–IV в. н.э. Этот период ее истории вполне может рассматриваться в качестве позднеантичного, а не постантичного.

Ключевые слова: Ольвия Понтийская, варвары, черняховская культура, Римская империя, позднеантичный период, последняя четверть III–IV в.н.э.

Заключительный период истории Ольвии Понтийской относится к последней четверти III – третьей четверти IV в. н.э. После готского разгрома в 269–270 гг. жизнь здесь прерывается и возобновляется не ранее середины – конца 80-х годов III в.н.э. (рис. 1). Не исключено, что это произошло в конце 80-х – начале 90-х годов III в.н.э. Находки римских монет этого времени относятся к правлению Диоклетиана (284–305)¹.

Крапивина Валентина Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела античной археологии Института археологии НАН Украины.

¹ Карышковский 1968, 178.